

Лю Мухань терпеливо скормил здоровяку одну картофелину за другой, пока тот наконец протяжно и сыто не рыгнул.

— Ребёнку деньги нелегко даются, так что платить надо честно. Я тут посчитал: ты слопал восемь картофелин. Много просить не стану — с тебя восемь лянов серебра, — небрежно бросил Белолицый учёный. — Ведь не зажмёшь жалкие восемь лянов? Малец тебя, считай, с рук кормил.

Здоровяк уже открыл было рот, чтобы разразиться проклятиями, но вовремя осёкся. Он вспомнил, что деньги пойдут Лю Муханю, а не этому напыщенному писака. Сглотив ругательства, он повернулся к мальчику:

— Малец, серебро у меня за пазухой, сам достань. Восемь так восемь, за такую еду не жалко.

— Не нужно так много, — Лю Мухань испуганно затряс головой. — Всего две монеты... Нет, лучше три. Три вэня, больше не надо.

— Раз сказал восемь лянов, значит, заберёшь все до единого! Попробуй только отказаться — живьём съем! — грозно прорычал здоровяк и рванулся всем телом. Под толстыми путами заиграли могучие мышцы.

Лю Мухань испуганно попятился.

— Ты чего развоевался? Мальчишка и так робкий, а ты тут бычишься. Кто тебя, такого дикаря, не испугается? Небось женушка твоя от этого вечного рыка и сбежала к другому под одеяло! — Белолицый учёный снова не упустил случая вставить шпильку.

Лю Мухань встревоженно глянул на здоровяка, ожидая новой вспышки ярости. Но на этот раз гигант лишь понуро опустил голову.

— Слышь, грамотей, — глухо пробормотал он. — Кошель у меня на груди. Достань сам и отдай малому.

— Надо же, какой ты сегодня покладистый, — удивлённо хмыкнул Белолицый учёный. Он запустил руку здоровяку за пазуху, вытащил кошель и небрежно подбросил его на ладони. — Ого, да тут шаром покати. Чудные дела! Поместье Зеленой ивы ломится от богатства, а ты, целый Молодой мастер поместья, разгуливаешь с парой грошей в кармане? И не стыдно?

— Заткнись, трепло! Молчал бы лучше, за умного сошёл! — вспыхнул тот.

Белолицый учёный вытряхнул из кошелья ровно восемь лянов и бросил их Лю Муханю:

— Держи крепче. Сам слышал, этот увалень — Молодой мастер поместья Зеленой ивы, у него куры денег не клюют. Эти крохи для него всё равно что те две монетки, что я тебе дал. Бери, не стесняйся.

Лю Мухань прижал к груди тяжёлое серебро, растерянно хлопая глазами. Впрочем, до него сейчас никому не было дела. Затянув опустевший кошель, учёный покрутил его перед самым носом пленника.

— Раз у тебя при себе всего ничего, значит, я угадал: ты из дома помирать шёл. Ну не дурак ли, а? Тебе рога наставили, а ты вместо того, чтобы прирезать неверную жёнку с её хахалем, сам в петлю лезешь? Неужто гордость вашего хвалёного Поместья Зеленой ивы стоит твоей жизни?

Здоровяк отвернулся, избегая его взгляда.

— Тебе легко говорить! Сам ведь растрезвонил на весь свет, теперь каждый бродяга в цзянху знает, что меня облапошили. Даже собственные слуги за спиной шепчутся и пальцами тычут! Я поклялся: найду тебя — и один из нас точно ляжет в сырую землю. То, что ты меня скрутил, — моя оплошность, силой не сдюжил. Так что давай, кончай меня. А не то, клянусь, едва развяжешь — горло тебе перегрызу!

— Ух ты, на этот раз всё серьёзно? — Белолицый учёный лениво покрутил кошель на пальце. — Даже про своё деревенское «я» забыл, заговорил как книжник. Выходит, у меня и выбора нет? Придётся прирезать тебя прямо сейчас, чтобы самому потом не оглядываться?

Здоровяк лишь угрюмо хмыкнул, подтверждая его слова.

Учёный притворно вздохнул и повернулся к Лю Муханю:

— Слышал, малец? Не я это заварил, он сам напрашивается. Ладно, давай так: я дам тебе шанс. Если сможешь убедить этого упрямца пообещать, что он не станет за мной охотиться, я его отпущу. А коли не договоритесь — прибью на месте. Договорились?

Лю Мухань прикусил губу.

— А если он соврёт? Пообещает сейчас, а как только вы его развяжете, нападёт со спины? Так ведь тоже можно?

Белолицый учёный опешил. Изумление на его лице вспыхнуло столь ярко, будто он воочию узрел чудо.

— Матерь божья, да ты, оказывается, соображаешь! — выпалил он.

Лю Мухань смерил его долгим, полным укоризны взглядом. Теперь он окончательно понял, почему этот здоровяк готов был расшибиться в лепёшку, чтобы прикончить писаку, хотя тот не уводил у него жену и не убивал отца. Если этот Белолицый учёный выдавал свои секреты с точно такой же миной и интонацией, то даже святой схватился бы за топор.

Под этим взглядом учёный даже слегка смутился и неловко кашлянул:

— Ну... ты просто выглядел таким... простоватым. Лицо честное, бесхитростное, из тех, кто мухи не обидит. Я и подумать не мог, что в твоей голове водятся такие хитрые мысли. Обычно до подобного додумываются только прожжённые пройдохи вроде меня.

Здоровяк снова взревел:

— Ах ты гад! Значит, ты с самого начала не собирался меня отпускать?!

— Ну-ну, полегче на поворотах, — ухмыльнулся Белолицый учёный, наклоняясь к нему. — Будем честны: с твоим умишком ты бы до такой уловки в жизни не додумался. Из уст мальчика это звучит как здравая мысль, но если бы такое предложил ты, я бы решил, что в тебя вселился злой дух.

Эти слова сработали хлеще сухого хвороста — ярость здоровяка вспыхнула с новой, поистине сокрушительной силой. Вот только путы держали его крепко, не оставляя ни единого шанса на спасение.

Лю Мухань безнадёжно закрыл лицо руками. Ему ещё никогда не доводилось встречать человека, который столь виртуозно умел находить чужие больные места, методично ковырять их до тех пор, пока бедолагу не разорвёт на части, а под конец ещё и подливать масла в огонь, чтобы рвануло погромче.

— Дяденька, дай я сам с ним поговорю. А ты возвращайся к своим картинам, — Лю Мухань легонько подтолкнул Белолицего учёного в сторону его лавки.

— Какая торговля, тут же ни души... — проворчал тот, однако послушно поплёлся назад. Достав из-под прилавка хромой табурет, он с кряхтением уселся на него, вытягивая ноги.

Лю Мухань подошёл к пленнику, немного подумал и уселся прямо перед ним на землю, скрестив ноги.

— Меня зовут Лю Мухань, — тихо заговорил мальчик. — «Лю» — как ива, «Му» — как вечерний закат, а «Хань» — как зимний холод. Когда я был маленьким, дедушка звал меня Дигуа, потому что батат неприхотлив, дешёв и сытен. А другие дети обзывали меня Гуавацзы — дуралеем. Наверное, потому, что я и правда глуповатый. Со мной никто не хотел дружить.

Здоровяк приоткрыл рот. Сначала он хотел прогнать мальчишку, заявить, что его решение непоколебимо и никакие уговоры не помогут. Но, вслушиваясь в тихий голосок, он так и не решился перебить его. Так они и сидели, пока малец не выговорился.

— Надо же, совпадение, — негромко отозвался гигант. — Твоё «Лю» звучит прямо как название нашего Поместья Зеленой ивы. Вот только в нашей семье никто эту фамилию не носит. Мой род — Линь, а зовут меня Линь Хуаян. Ты ведь слышал, о чём мы спорили? Скрывать уже нечего, вся подноготная наружу, так что не буду таиться. Я гонялся за этим треплом только потому, что он выставил меня посмешищем на весь мир. Теперь каждый проходимец в цзянху знает, что моя баба сбежала с другим. Скажи, малец, ты тоже думаешь, что это пустяк? Что из-за такой ерунды не стоит лишать человека жизни?

— Нет, не думаю, — покачал головой Лю Мухань. — Всё, что ранит и приносит боль, не может быть пустяком. Когда мы жили с бабушкой, мне казалось, что самое страшное на свете — это голод. Но когда бабушки не стало и меня забрали в другое место, я понял, что есть вещи куда страшнее пустого желудка. Тогда я часто думал: уж лучше бы я голодал, только бы не оставаться там.

— И что же может быть хуже голода? — спросил Линь Хуаян.

— Когда тебя бьют, — так же тихо и спокойно ответил мальчик. — Это очень больно. Намного больнее, чем когда сводит живот. К тому же бабушки больше не было рядом. Но потом я ушёл оттуда и попал в Малое загородное поместье. Там нас тоже кормили впроголодь и порой поколачивали, но те побои были не такими страшными, да и голод мы терпели. Мне тогда казалось, что это самая лучшая жизнь на свете. А потом я встретил бабушку Гу. Он был так добр ко мне! Каждый день давал мне мясо. Вот то время действительно стало лучшим в моей жизни.

Вспоминая дни, проведённые на Снежной горе, Лю Мухань весь так и светился тихой, светлой грустью.

— Да сколько тебе лет-то, чтобы говорить о «лучших днях»... — невольно пробормотал Линь Хуаян, но он тут же замолчал. До него дошёл горький смысл этих слов. Для этого ребёнка «лучшее» измерялось лишь сравнением с тем кошмаром, который обычному человеку и в страшном сне не привидится. Тот, кто побывал на самом дне, умеет ценить даже малейшую крупицу тепла.

Белолицый учёный сидел поодаль, делая вид, что увлечён чтением раскрытой книги. Однако с его завидным мастерством внутренней энергии расслышать их негромкий разговор не составляло никакого труда.

Линь Хуаян впервые за всё время забыл о своём злейшем враге. Он во все глаза смотрел на Лю Муханя.

— И что произошло потом? Куда делся этот бабушка Гу?

— Дедушка Гу ушёл, — Лю Мухань опустил голову, но тут же снова поднял глаза. — Он ведь с самого начала говорил, что останется со мной всего на пару месяцев, а в итоге прожил со мной целых два года. У него много своих забот, он не может вечно сидеть со мной. А мне одному на горе стало совсем тоскливо, вот я и спустился.

Линь Хуаян облегчённо перевёл дух, но в груди всё равно противно защемило. Поначалу, услышав, что старик «ушёл», он подумал о самом страшном — о смерти. К счастью, тот оказался жив, просто ушёл своей дорогой, оставив мальчишку в полном одиночестве.

Ни Линь Хуаяну, ни Белолицему учёному и в голову не могло прийти, что таинственный «дедушка Гу» — это не кто иной, как легендарный и грозный Странный старик, наводящий трепет на всё цзянху. «Странный старик» было лишь прозвищем, никак не связанным с его настоящим именем. Впрочем, точно так же никто не звал Белолицего учёного по его истинной фамилии Чжао.

— И ты на него не в обиде? — спросил Линь Хуаян и лишь мгновением позже сообразил, что в точности повторил недавний вопрос своего пленителя.

Лю Мухань кротко посмотрел на него:

— Дядя Линь, когда с тобой случается беда, всегда обидно и больно. Но в этом ведь нет твоей вины. Дядя Бай язык за зубами держать не умеет, он любого из себя выведет, так что ты его глупые речи близко к сердцу не принимай. Но он ведь не злой человек. По крайней мере, он тебя связал, но убивать точно не хотел.

— Эй, я всё слышу! Опять мне кости перемываєте?! — притворно возмутился из своего угла Белолицый учёный.

Лю Мухань улыбнулся и заговорщически подмигнул собеседнику:

— Дядя Линь, давай я тебя развяжу, а ты пойдёшь и как следует намнёшь ему бока? Что думаешь?

Линь Хуаян на секунду опешил, а затем покатился со смеху, так что он затрясся всем телом:

— Ха-ха-ха-ха! Дядя Бай! Слыхал, писака недоделанный?! Каков шельмец, а какая вежливость!

Лю Мухань лишь растерянно моргнул, не понимая, что весёлого он сказал.